

Глава 47 - Она не знает

Свист!

Шквал пронесся мимо коротким размытым пятном.

Звук, который он не мог определить, был ли это ветер или дождь, накрыл территорию вокруг особняка Тамона.

Это звучало так безутешно, что, если прислушаться на мгновение, казалось, что это плачет женщина.

Идя по коридору, Тамон посмотрел в окно на черную, как смоль, пустоту неба.

Когда-то он уже слышал звук такого холодного ветра.

Это было еще грубее, чем это, звук резкого снежного ветра Танатоса.

Было ли это года три назад?

Это было так оглушительно, что ему действительно показалось, что кто-то плачет.

Конечно, он был не из тех, кого беспокоит какая-то аристократка, плачущая в углу.

Скорее, он спешил, боясь, что кто-нибудь его поймает.

Пытаясь избежать встречи с аристократами, он наткнулся на группу влюбленных, наслаждающихся тайным свиданием.

Он встал на неверный путь, притворившись, что не видит их, и убрался с дороги.

Там он ступил в глубокое место в главном дворце.

Он пытался выбраться оттуда как можно быстрее, но мельком увидел серебристые волосы.

Из всех мест этот звук совпал с остаточным изображением серебряных волос.

Он задавался вопросом, был ли это звук ее плача.

Новая императрица Танатоса.

Женщина, которая была вынуждена занять положение императрицы, когда предыдущий император умер и его единственный буйный сын стал императором.

Намек на любопытство привел его к ней.

Кто-то стоял на секретной террасе, недалеко от банкетного зала.

Его догадка оказалась верной. Это была она.

Императрица Танатоса, стоящая и смотрящая в небо, покрытое выпавшим снегом.

Некоторое время она смотрела на заснеженное небо. Он мог видеть ее красное, застывшее лицо.

Он подумал, что она плачет, но этот голос не плакал, он пел.

Напев был традиционной песней Танатоса, которую он никогда раньше не слышал.

Легкая мелодия, которую пели дети, тихим эхом отдавалась в тонком голосе.

По какой-то причине Тамон не мог оторвать глаз от фигуры перед ним.

Женщина, стоявшая рядом с императором, была похожа на холодный, твердый кусок льда, в то время как женщина, стоявшая одна, со всеми позади, была похожа на снеговика, стоящего на солнце.

Как снеговик, медленно тающий на солнце, опасный и прекрасный.

«Прелестный?»

Это было слишком личное чувство, чтобы относиться к императрице другой страны.

Тамон издал слабый смешок и повернулся, чтобы уйти.

«Шарлотта, не могла бы ты передать мне мой напиток, который я поставила туда?»

Но нежный голос, которого он никогда раньше не слышал, вежливо отозвался в ее голосе.

«...»

Если это была вежливость дворянина, он должен был показать свое присутствие и понизить голос, чтобы она не поняла его неправильно.

Но Тамон не мог этого сделать.

Вместо этого, чуть более осторожной рукой, он протянул ей ее напиток.

Возможно, это было потому, что было темно, или, возможно, это было потому, что она, конечно, не ожидала, что там будет еще один человек.

Она просто мягко склонила голову набок и сказала «спасибо».

Судя по вялому, невнятному произношению последнего слова, она уже была немного пьяна.

Розалин, потягивавшая крепкий напиток со льдом, внезапно улыбнулась.

«Кстати, как бы то ни было, этот человек, похоже, действительно сошел с ума».

«...»

«Как он посмел попытаться забрать шахту Гарольф обратно из этой страны? Его величество тоже ужасен. Как он мог быть так очарован кристаллической солью?... Я сказала ему, что эта шахта имеет высокую потенциальную будущую ценность».

Тамон молча выслушал ее слова, его глаза сузились от удивления.

Шахта Гарольф была частью горного хребта к востоку от Танатоса, которую он пытался тайно убрать со встречи сегодня утром.

Так что человек, которого императрица назвала «сумасшедшим», вероятно, имела в виду его.

‘Я думал, тебе все равно. Ты, кажется, думаешь, что я сумасшедший.’

Несмотря на ощущение, что ему пришлось повернуться спиной, его шаги были тяжелыми.

Были постоянные предупреждения о том, что он должен улизнуть, но Тамон просто стоял там, притворяясь, что не слышит ни малейшего проблеска.

О, во всем виновата эта женщина.

Это была вина этой женщины, что он так беззащитно прятался в ее собственном замке, в ее собственном тайном месте.

‘Да, я должен быть более осторожным’.

Разве это не было время, когда делегации из разных стран приезжали и уезжали?

В отличие от ее холодной и спокойной внешности, у нее, казалось, была немного незащищенная сторона.

Но на утреннем собрании она воздвигла такую ледяную стену.

«Не одобряется. Закон Танатоса гласит, что император в одиночку не может распоряжаться имперской собственностью, занесенной в бухгалтерские книги. Поскольку я, императрица, не одобряю эту сделку, этот контракт официально недействителен. Кроме того, если вы еще раз попытаетесь так поступить на встрече без меня, я не буду участвовать во всех будущих встречах с Амором».

Прямая шея и холодные фиолетовые глаза.

Именно Тамон столкнулся с десятками и сотнями дворян, сражаясь со многими нациями.

Новая императрица Танатоса не была ни лучшей из них, ни самым совершенным из монархов. Но было в ней что-то такое, что леденило сердца людей.

Но....

«Шарлотта, ты знаешь? Говорят, что когда полная луна большая и падают снежинки, души спускаются во время снегопада.»

Сказала она, потянувшись за рассыпающимися снежинками.

«Сегодня годовщина смерти моего дедушки. О, мой дедушка... Интересно, здесь ли он.»

Тамон никогда не знал, что женщина, которая выглядит такой холодной, может быть такой уязвимой, когда никого нет рядом.

«Я хотела хотя бы раз сказать, что мне следовало прислушаться к своему дедушке, но... Когда он придет?..»

Он хотел еще немного понаблюдать за ней, но ему пришлось спрятаться, поскольку приближалось присутствие людей.

После этого у него больше не было контактов с императрицей.

Если не считать того, что они сталкивались друг с другом, они никогда не разговаривали наедине.

Ни один из них никогда не смотрел друг на друга с какой-либо нежностью.

И все же Тамон продолжал пристально смотреть на нее.

Он был очарован ею все время. Были времена, когда он намеренно пытался привлечь ее внимание, но все еще безуспешно, он снова начинал смотреть на нее.

Иногда он восхищался ею, иногда ему было жаль ее...

Иногда ему безумно хотелось потянуться к ней, а иногда он пытался убежать, говоря, что ему это надоело, но в конце концов он снова уставился на нее.

Она была женой другого мужчины, императрицей вражеской страны.

Он утешал себя тем, что ему было не более чем интересно, но, возможно, он уже тогда был...

«...»

Тамон остановился перед дверью в комнату Розалин.

Ее голос звучал у него в ушах несколько дней назад, когда он стоял неподвижно, придерживая дверь.

«Почему я должна все время смешивать свое тело с твоим? Жизненная сила - этоПохоже, в этом нет никакой необходимости.»

В свободное время он целовал ее лодыжки.

Лодыжки были не единственным местом, которого касались его губы.

Он оставлял следы самого себя везде, куда достигал его взгляд.

Это были следы похоти Тамона, но это был также акт, направленный на то, чтобы влить его жизненную силу в нее, которая все еще не восстановила свои силы...

Желание взбудоражило его.

Это побуждало его использовать все имеющиеся у него предлоги, чтобы удержать ее.

Нуждаться? Это то, что она сказала, потому что она не знала.

Тамон нуждался в ней каждое мгновение.

Его восстановившееся тело хотело ее больше, чем когда-либо прежде, и даже вид алых губ Розалин мучил его жгучей жаждой.

Значит, он действительно нуждался в ней каждое мгновение.

Он отчаянно нуждался в ней.

Если бы он мог, он не хотел бы удалять Розалин из своего тела.

Нет, он не хотел расставаться с ней навсегда.

«Но мое честное величество (Розалин) не поймет....»

Ухмыляясь, Тамон достал свой кинжал.

Он боролся в течение нескольких дней, чтобы подготовиться к своему отъезду, но просто обнимать ее и спать с ней было недостаточно.

Бросив равнодушный взгляд, он порезал себе руку кинжалом.

Было недостаточно просто немного истечь кровью.

Чтобы купить душевное спокойствие Розалин, заставить ее насторожиться, этот небольшой порез должен был...

Острый край лезвия оставил длинную глубокую рану от внутренней стороны локтя до запястья.

«Мой господин...»

«Держись подальше».

Темная полоска тени, охранявшая Тамона, появилась в поле зрения в панике из-за того, что он ранил себя.

Тамон остановил приближающуюся тень.

Нерешительно тень бесшумно скрылась в темноте.

Тамон вложил немного больше силы в руку, державшую его кинжал. Рана становилась все глубже. Вес капающей вниз крови становился все тяжелее.

Он грубо обернул рану своим носовым платком и швырнул нож, который держал в руке, в темноту.

«Позаботься об этом».

Тамон открыл дверь одной рукой, его носовой платок был испачкан красным.

Испуганный взгляд Роазлин упал на него, когда он приблизился.

«Что не так с твоими руками...»

«Внезапное нападение, убийца».

«...Что?»

«Я потерял слишком много крови. У меня кружится голова.»

‘Бесстыдник’.

Тамон внутренне пожаловался самому себе, но внешне он вздохнул, когда подошел к ней, протягивая руки.

Ее испуганные фиолетовые глаза были очаровательны.

У него было чувство, что, возможно, он действительно сумасшедший.

Как он вообще мог пытаться привлечь внимание этой женщины каждую минуту?

Как и почему он такой сумасшедший, когда у человека, о котором идет речь, нет ни малейшего намерения делать это?

«Исцели меня...»

Посмотрев на него снизу вверх, Розалин со вздохом подошла к нему.

Глядя на нее, когда она приближалась, у него возникло ощущение, что жить как безумец не так уж и плохо.

Если Розалин была достаточно сумасшедшей, чтобы не бояться его, если она была достаточно сумасшедшей, чтобы не знать о его собственном безумии...

Это было бы нормально?

<http://tl.rulate.ru/book/59752/2800137>